

«Помню, был до войны хороший певец Александр Окаемов — известный исполнитель русских и советских песен. Позже я где-то читала, что фашисты расстреляли его за связь с подпольщиками. Хотелось бы знать об этом подробнее».

М. КРУПЕНИНА,

ветеран труда, бывшая стрелочница.

ОМСК.

КАК ПЕСНЮ ВЕЛИ НА РАССТРЕЛ

ИХ ВЫВЕЛИ на расстрел холодным февральским утром. Ломался жесткий наст, рана и без того изуродованные многодневными пытками ноги. В окровавленное тело впивался иглами ледяной ветер. Александр Окаемов едва не падает от изнеможения, Геннадий Лузенин поддерживает его... И вот они стоят на краю ямы, под стволами фашистских автоматов.

Вдруг в тишине раздался знакомый мотив: «Орленок, орленок, товарищ крылатый». Пел Окаемов.

Длинные автоматные очереди прошли тело певца и... слова песни. Когда-то Александр Окаемов первым спел «Орленка» для миллионов советских радиослушателей. Теперь «Орленок» стал его последней песней.

Так 21 февраля 1943 года были казнены фашистами возле древнего белорусского города Кричева замечательный русский певец, доцент Московской консерватории, солист Всесоюзного радио Александр Окаемов и его друг по подпольной борьбе, главный хормейстер Московской филармонии Геннадий Лузенин.

Тридцать лет мы ведем поиск материалов об Александре Окаеове.

Александр Окаемов родился в 1905 году в Рязске Рязанской области в семье служителя церкви. Уже в четырнадцать лет он активно участвует в общественной жизни первой советской школы города, в художественной самодеятельности. После школы Саша устроился на станцию Рязск. Здесь же ведет бесплатную работу при железнодорожном клубе. Потом стал ремонтным рабочим подъездных путей на шахте Подмосковского угольного бассейна.

Саша создал на шахте отличный хор, в котором сам стал запевалой. Было ему семнадцать лет. Кто-то посоветовал поступить в Московскую консерваторию. Впоследствии он блестяще окончил ее.

В довоенные годы часто звучали по радио советские и русские песни в исполнении Окаеова. Сильный и красивый его голос не мог не запомниться, не запасть в душу.

Война, ополчение, решительный отказ от брони. Их фронтовая концертная бригада попала в окружение на Смоленщине. После ранения Окаеов оказался в фашистском лагере смерти, потом в другом, в третьем. В концлагере, что находился в городе Кричеве, он встретил Геннадия Лузенина и нескольких других музыкантов из Москвы.

Фашисты устроили лагерь смерти на Кричевском цементном заводе, потому как хотели их руками восстановить завод: им нужен был цемент. Но патриоты вывели из строя сначала старое оборудование, потом и привезенное из Германии. Однажды гитлеровцы расстреляли 280 человек, но саботаж и диверсии продолжались. Враг так и не получил ни горсти кричевского цемента.

Вырваться из лагеря смерти! Кто из узников не жил этой мечтой. Однажды среди пленных прошел слух: кричевский поп выбирает певцов для хора. Окаеов подумал: можно использовать удобный момент. Если поп узнает, что Окаеов певец да к тому же сын священника, то это может оказать ему, Окаеову, неплохую услугу.

В общем, в каком-то смысле Окаеову с Лузениным повезло: они стали петь в хоре. Им пошили костюмы из простого полотна. Жители старались помочь продуктами. Возникла мысль создать хор народной песни из местных жителей, тем более, что самодеятельность существовала. Но руководили ею пособники фашистов. Для наблюдения за работой хора, особенно за выступлениями Окаеова и Лузенина, гестапо выделило зондер-фюрера, так называемого «специалиста» по русской культуре.

Окаеов с трудом отстоял право на исполнение арии князя Игоря из одноименной оперы Бородина. Когда он своим могучим голосом запел:

«О, дайте, дайте мне свободу...

Я Русь от недруга спасу», — у слушателей загорались глаза. У русских — радостью, у немцев — злобой. Песни о Ермаке, о Стеньке Разине и многие другие будили в душах людей веру в свободу.

Одновременно друзья искали путь к подпольщикам. В январе 1942 года у секретаря Кричевского райкома партии Кузмы Андреевича Реуцкого стало на одну связную больше. Мария Толкачева оказалась не только отважной разведчицей, но и великолепным мастером конспирации. Устроившись бухгалтером в городскую управу, она собирала разведывательные данные, распространяла листовки, помогала пленным бежать из лагеря смерти в партизанские отряды. Весной Мария получила задание: как следует присмотреться к артистам Окаеову и Лузенину...

Так началась совместная подпольная деятельность. Они отремонтировали старый радиоприемник и постоянно принимали сводки Совинформбюро. Вечерами в доме, где жила Вера Сергеевна Сенчило, они встречались. Разговор шел о последней сводке Совинформбюро, о том, как эту сводку, многократно переписанную от руки, распространить в городе. На бумагу ложилась последние разведывательные данные, собранные артистами во время поездок с хором в соседние районные центры, расположенные вдоль шоссе Москва — Варшава.

По шоссе потоком шли военные машины, артиллерия, танки. Русские даже с пропуском не имели права ездить по шоссе на дальние расстояния. А вот артисты получили эту счастливейшую возможность и использовали ее. Разъезжая по городам, деревням, артисты выполняли не одно ответственное задание. Песня и листовка были их главным оружием. Хотя, как теперь выясняется, не только это.

Партизанскому отряду нужны были сведения об охране крупнейших вражеских военных складов на станциях Кричев-2. Но пробраться из Кричева через реку Сож до станции невозможно.

Через руководителя антифашистского подполья на цементном заводе и на станции будущего командира партизанского отряда № 48 А. Гавриленко узнают, что в деревнях Красная Буда, Коренец и Михеевичи есть подпольная комсомольская организация «Самородки». Руководит ею молодой воентехник Анатолий Круподеров. У ребят хорошо налажена связь с нашими людьми среди охранников военных складов на станции Кричев-2. Но как получить разрешение на поездки в Красную Буду?

У бургомистра удалось добыть пропуск для Окаеова и Лузенина. Им разрешалось по договоренности с жителем деревни Витюговым сделать из двух старых гармоний одну новую. Местный полицейский был удивлен жадностью Окаеова и Лузенина, споривших с Витюговым буквально за каждую марку оплаты. И артисты добились своего — Витюгов обязался выплатить им 300 марок и 50 яиц. А когда полицейский ушел, Анатолий Круподеров, Алексей Витюгов и оба артиста от души посмеялись. Что и говорить, сцена торга была разыграна блестяще. Гармонь делали несколько месяцев, часто приезжая из Кричева за десять километров, а вместе с немецкими бумажками-марками артисты увозили и маленькие листочки с зашифрованными записями ценных данных. Более того, Круподеров сообщил, что их группа может передать оружие, боеприпасы и тол для минирования. Предложение было принято.

Окаеов и Лузенин не участвовали в практической борьбе подпольщиков: собирали ценнейшие разведывательные данные, передавали оружие и боеприпасы, медикаменты партизанам, распространяли листовки в лагере смерти, в Кричеве и всех городах и деревнях, где давали концерты. Но их песни были не менее грозным оружием против врага.

Тем далеким утром 1943-го враги расстреляли певца-героя, но песня осталась жить. Сохранилась пластинка с записью песен в исполнении Окаеова.

И жива память об этом замечательном человеке в сердцах людей.

М. МЕЛЬНИКОВ,

краевед.

КРИЧЕВ.